Возвышенность и низменность любовных отношений

Арс Либрев 14.05.2025

Разбирая публикации околомарксистского деятеля Александра Николаевича Тарасова, я конечно не мог разобрать всех тем, которых он касался. Я ограничился только наиболее важными. Однако есть и те вопросы, которых я не коснулся, но в отношении которых мне также есть что сказать. Тем более, что важность их весьма велика. Одним из таких вопросов является вопрос отношений между полами.

В публикации, где я разобрал основное наследие Александра Николаевича, я отмечал, что на его сайте «Сен-Жюст» немало работ содержащих утверждения вообще без каких-либо доказательств. И среди них выделяется статья «Декларации без доказательств. Читая Агамбена». Дело в том, что данная статья, заявленная как противостояние автору, делающему бездоказательные утверждения, сама выстроена без всяких доказательств. В разбираемой Тарасовым работе Агамбен касается вопроса любви. И Александр Николаевич, через свою критику, открывает нам в этой теме много интересного. Поскольку вопрос важный, имеет смысл его рассмотреть.

Приводя слова Агамбена о том, что любовь никогда не привязана к определенному признаку предмета любви, а вожделеет этот предмет всецело, Тарасов заявляет, что критикуемый им автор описывает не любовь, а эгоизм собственника. Далее он заявляет следующее.

> «Давно доказано, что критерии выбора объекта любви связаны с его характерными особенностями и отличием от других. Отчасти это задано биологически (чем выше уровень генетического отличия особей, тем сильнее их инстинктивно тянет друг к другу — при условии, разумеется, что эстетически они совместимы: поэтому южане так любят блондинов и блондинок, высокорослые мужчины любят миниатюрных (“низкорослых”) женщин и наоборот), отчасти — культурно и социально (Байрона и Талейрана, например, женщины любили именно как зловещих гениев и хромых одновременно)».

Сразу же возникает вопрос, кем доказано? Где доказано? Никаких ссылок Тарасов не приводит. Обвиняя Агамбена в декларациях без доказательств, он сам декларирует бездоказательные утверждения. Следующий вопрос, где доказательства, что связь любви с характерными особенностями задана

биологически? То, что приведенное Тарасовым объяснение о притягательности генетически разных особей друг к другу, звучит логично, еще не значит, что оно верно. Он приводит в пример тягу южан к блондинам и блондинкам. Откуда он это взял? Есть статистика? И где она? Я, к слову, пытался найти исследования на данную тему, но ничего не нашел. По поводу пристрастия высоких мужчин к миниатюрным женщинам, тот же вопрос. У Тарасов есть статистика? Кое-что мне действительно удалось найти. Заявления о том, что якобы исследования доказывают, что мужчины предпочитают женщин ниже себя. Подчеркну, не только высокие мужчины, а вообще — если ты низкий, ты все равно предпочтешь барышню еще ниже. Но, к слову, ссылок на непосредственные исследования я также не нашел.

Далее Тарасов заявляет, что любовь не обязательно вожделеет, что это, мол, потребительский мещанский вариант. И вообще любовь и вожделение разные вещи, что также давно доказано. Здесь он, наконец-то приводит хоть какое-то указание на доказательство, упоминая Отто Вейнингера. Правда и здесь лишь упоминается автор, но нет прямого указанания на то, где он это доказал. Нет даже просто упоминания конкретной работы. К счастью, у Вейнингера всего несколько работ, самой известной из которых является «Пол и характер». И именно в ней сие и приведено.

Вейнингер утверждает, что любовь и вожделение разные вещи и начинает свое доказательства со странного заявления, что любовь не предполагает страсти. А телесная близость убивает любовь. И любовь в браке — лицемерное понятие. И любовь бывает только несчастной. Все эти утверждения, мягко говоря, спорные. Уж точно они никак не тянут на доказательства. Уверен среди читателей найдется немало людей, которые могли бы с этим поспорить. Подтвердить свои слова Вейнингер пытается заумными рассуждениями, которые он вывел, видимо, анализируя собственные чувства. Но в таком случае его можно обвинить в том же, в чем Тарасов обвиняет Агамбена — в приписывании своих личных впечатлений, отражающих частный случай, явлению в целом. А если так, эта аргументация никак не может быть противопоставлена агамбеновской, только если как пример иного взгляда, но не как доказательства ошибочности тех конкретных тезисов, которые он излагает.

В общем, по Тарасову, та любовь о которой говорит Агамбен — это любовь «нарциссического собственника», а Тарасов знает ее куда шире и она совсем не такая. Тарасов фактически заявляет, что разные люди по разному чувствуют любовь, вернее даже та любовь, которую испытывают представители разных культур и классов, это разная любовь. Но любовь это прежде всего чувство. И говорить о том, что она зависит от культуры или класса, все равно что говорить, будто представители разных культур и классов, когда чувствуют

голод, чувствуют разный голод, по разному чувствуют тепло и т.п. Все-таки голод ощущается как голод независимо от того американец человек или нубиец, бизнесмен или рабочий. Тепло ощущается как тепло и американцем и нубийцем, и рабочим и бизнесменом. Конечно, все зависит от степени ощущений, но их качество остается одинаковым для всех людей. Голод не перепутать с теплом. Так и любовь все же вещь универсальная. Но будучи универсальной, она действительно имеет свои грани из-за чего понять ее крайне трудно. Проблема Вейнингера в том, что пытаясь объяснить любовь, он рассматривает то одно, то другое ее проявление, но в итоге лишь скользит по поверхности, поскольку увидеть явление в целом у него не выходит. И это не спроста.

Любовь, это то явление в котором ярче всего проявлена диалектика. А именно, ее принцип единства и взаимопроникновения противоположностей. Соответственно, не имея представления о методе разрешения диалектического противоречия невозможно понять любовь. С одной стороны, любовь проявляет себя как чувство потребности в человеке, желание быть вместе. Это то проявление, которое можно было бы условно назвать эгоистическим. С другой стороны, любовь проявляет себя как чувство потребности отдачи себя человеку, желания делать для человека все, желание, чтобы он был счастлив. Вплоть до того, что ради этого любящий может пойти на то, чтобы отказаться быть вместе с предметом любви, если это тому в тягость. Это то проявление, которое можно было бы условно назвать альтруистическим. Почему в обоих случаях «можно было бы условно назвать»?

Как я уже писал в статье о свободе, разрешить противоречие между эгоистическими и альтруистическими порывами без ущерба для общества и индивида, можно лишь признав, что категории эгоизма и альтруизма условные и в контексте приоритета одного над другим имеют мало содержательного смысла, поскольку человек всегда в своих действиях руководствуется тягой к удовлетворению. Если он поступает эгоистически, значит свои потребности для него важнее. Если альтруистически, значит для него невыносима мысль, что кто-то страдает, что он не оказывает помощи, когда может.

Так и в случае с любовью, она проявляет тягу к удовлетворению потребности в человеке и обеспечении счастья для него, которая может выражаться как в том чтобы самому подарить ему счастье, или в том, чтобы обеспечить счастье, оставив его. Какое именно действие предпримет человек в данном конкретном случае — будет пробовать сойтись с тем, кого любит, или оставит попытки быть вместе — зависит от конкретной ситуации. Если человек находит повод думать, что он может дать предмету любви счастье, то он направит усилия на то, чтобы сойтись. В этом случае счастье будет обеспечено обоим. При этом

могут иметь место вопросы о том, не был бы более счастлив предмет любви с другим? И даже может иметь место утвердительный ответ. Однако поскольку счастье все же имеет место, человек может стараться все же быть вместе с предметом любви. Ибо в этом случае и его потребность удовлетворяется. Если он находит повод думать обратным образом, то предпочтет не предпринимать попыток быть вместе. То есть любовь проявляет себя как баланс между удовлетворенностью себя и того или той, кого любишь. Между своим счастьем и счастьем объекта любви. Чье счастье перевешивает в решении вопроса о том, быть ли вместе, зависит, опять же, от деталей ситуации и личных качеств. Если же предмет любви страдает от того, что находится вместе с человеком, не испытывает никакой потребности в этом, то не может идти речи о том, чтобы быть вместе. Если же идет, то перед нами не любовь, даже если человек сам утверждает обратное. Это может быть вожделение, жажда власти, но не любовь.

И все это никак не исключает страсти. Любовь, естественно, может существовать без физического желания, и больше того, сама по себе, она оторвана от него — в этом Вейнингер прав. Однако с ним она вполне может сочетаться. И даже приобретать новые черты, подниматься на новый уровень. Многие подтвердят, что нет большего счастья, чем близость с той, кого любишь. И речь не про физические ощущения. Такое счастье не сравниться с счастьем близости с той к которой испытываешь самую сильную, самую безумную, но все же лишь страсть. Чтобы убедиться, что сказанное не является всего лишь попыткой выдать за общую суть явления сугубо мой личный опыт, продолжим разбирать аргументацию Тарасова.

Стоит сосредоточиться на утверждении о том, что любовь по разному воспринимается в зависимости от культуры. Тарасов вполне мог бы здесь кивнуть на исследования, которые это подтверждают. В разных культурах имеют место разные представления о любви. Однако, если глубоко разобраться в исследованиях, обнаруживается, что в разных представлениях, просто делаются акценты на разных моментах, но они никак не противоречат друг другу. Напротив они дополняют друг друга. Так или иначе в них разным образом проявляется та суть, которая была описана выше. Диалектика эгоизма и альтруизма, — стремления к собственному счастью и обеспечению счастья для предмета любви. Эти стремления могут находиться в противоречии и именно это противоречие и делает понимание любви таким сложным. В очень многих ситуациях желание счастья для себя и стремление к счастью для себя является противоположностью желания счастья для другого и стремлению к счастью для другого. Эти противоположности находятся в единстве и они взаимно проникают друг в друга. И в этом единстве и взаимопроникновении и

состоит любовь. Она проявляется в чувстве, которое будучи таким вот противоречивым, и является столь сложной для понимания и главное объяснения. Это же чувство порождает определенные стремления. Реализация этих стремлений может происходить в разных формах, проявляться через разные соображения и поступки, но именно они являются мотивом и целью. И только грамотное сочетание поступков может обеспечить реализацию обоих стремлений — к счастью для себя и счастью для того, кого любишь. Полноценная реализация возможна только в одном случае — если чувства взаимны. Если предмет любви испытывает, скажем, лишь симпатию, ее счастье не будет эквивалентно счастью того, кто любит. Но тем не менее, оно будет иметь место и это может оказаться достаточным поводом для того, чтобы быть вместе. Если же она испытывает лишь отвращение, то в этом случае компонент, касающийся вопроса счастья для другого полностью теряется. А значит любовь не реализуется. И это повод для того, кто любит не идти на то, чтобы пытаться быть вместе с предметом любви. Ведь в этом случае счастье для себя умаляет счастье для другого.

Однако, в качестве варианта может выступить соображение совершить действия для того, чтобы «пробудить» любовь. В этом случае опять же реализация стремления к собственному счастью, сочетается со стремлением к счастью для другого. Последнее проявляется в привязке счастья предмета любви к желанию быть вместе. В таком действии имеет место попытка реализовать стремление к счастью для другого, не умалив счастья для себя. Иными словами, человек обычно старается найти такое решение, которое не умалило бы ни его собственного счастья, ни счастья предмета любви. Если же такого решения найти не удается, то в этом случае любовь остается несчастной. Но только в этом. В иных же случаях любовь вполне может быть разделенной, взаимной. Или может сочетаться с симпатией или страстью. В этом случае счастья все же больше, чем в одиночестве. И поэтому такой расклад также не стоит считать неудачным. Соответственно, заявления Вейнингера о том, что любовь бывает только несчастной не соответствуют действительности.

Могут заметить, что Тарасов понимает любовь достаточно широко, относя к ней и любовь к занятиям и событиям, а я же понимаю ее в очень узком смысле, именно как любовь между мужчиной и женщиной. Вейнингер в основном пишет именно о любви между мужчиной и женщиной, именно отношениям между ними посвящен его труд. Потому при разборе его аргументации и происходит заострение внимания на данном моменте. Правда он иногда также начинает говорить и о любви иного рода, тогда он просто сваливает в одну кучу разные явления. И Тарасов, собственно, именно это и делает, сваливает все в одну кучу. Но в таком случае разобраться в предмете становится совершенно

невозможно. И раз он кивает на вполне определенную любовь, ту самую любовь между мужчиной и женщиной, то и разбору подвергается именно вопрос о ней. Расширение же этого вопроса лишь затушевывает предмет и делает невозможным выявление его сути, а значит и критику высказываемых утверждений. Так что не будем размывать понятия и уходить от темы.

Мы сделали большое отступление, чтобы разобраться в вопросе любви и показать несостоятельность аргументов Вейнингера, а с ним и Тарасова. Но Тарасов продолжает, поэтому вернемся к его разбору Агамбена.

Далее Тарасов заявляет, что любовь к предмету такому, каков он есть, это лишь частный случай. И вообще, еще Стендаль в своей «теории кристаллизации» показал, что любит человек не реальный предмет, а его идеальный образ. Снова Тарасов хоть на что-то сослался. Правда тут не совсем понятно, что значит «идеальный». Если Тарасов, как материалист, понимает под этим отражение реального предмета в сознании человека, то претензии предъявить сложно. Но судя по контексту, он имеет ввиду идеализированный образ. Подтвердить справедливость этого предположения может обращение к источнику, на который он указывает. Что же это за Стендаль и его «теория кристаллизации»?

Данный автор был писателем и его «теория», изложенная в работе «О любви», представляет собой простые рассуждения, подобные вейнингеровским, но никаких доказательств не содержит. Ее смысл в том, что любовь усиливает впечатление от каждого поступка и качества предмета любви. Это может идеализировать тот его образ, который присутствует в сознании человека. Так что предположение о том, что Тарасов имел ввиду идеализацию верно. Но то, что впечатление усиливается, отнюдь не значит, что человек не может выделить реального бытия того, чем оно вызвано. То есть, это не значит, что нельзя любить предмет таким какой он есть. Сам Стендаль говорит, что любовь зарождается еще до описанного явления, еще до кристаллизации. Таким образом Тарасов неверно передал даже то, на что ссылается. Кстати взгляды Стендаля, хоть и имеют в чем-то отдаленное сходство, но по большей части очень сильно отличны от взглядов Вейнингера и соединить их в одной доказательной базе можно было только в случае если ударить по оппоненту важнее, чем найти истину или хотя бы самому быть последовательным. Эта черта поведения Тарасова уже хорошо нам знакома, поэтому не удивляет.

Далее Тарасов замечает, что одним из важных параметров любви, является познавательный. Если у человека нет тяги к познанию предмета любви, то нет и любви. Он заявляет, что для любви это обязательный компонент. Доказательств опять никаких, одни декларации. Между тем, представление о том, что познавательный аспект один из важнейших в любви противоречит утверждению о том, что человек любит не реальный предмет, а

идеализированный образ, противоречит «теории кристаллизации» Стендаля, на которую Тарасов кивал. Ведь познание, это процесс постижения истины, изучение предмета таким, какой он есть. Идеализация же, это искажение представлений о предмете, проявляющаяся в приписывание ему качеств, которых нет, преувеличении достоинств, приуменьшении или игнорировании недостатков. Снова Тарасов в своих построениях сочетал противоречащие друг другу аргументы.

Могут заметить, что Тарасов говорит как раз о разных проявлениях любви, о которых говорю и я. А потому его аргументация состоятельна. Подчеркну, что он говорит, как раз о разных вариантах любви, а не о разных проявлениях тех желаний, которые ей соответствуют и тех стремлений, которые они рождают. Якобы любовь не «европейского мещанина» не будет иметь стремлений «присваивающего» характера, т.е. не будет порождать желаний быть вместе с той, кого любишь. Нужно ли говорить, что это полный абсурд. Любовь всегда предполагает желание обретения счастья для себя через то, чтобы быть вместе с предметом любви. Если этого реализовать не выходит, и предмет любви обретает счастье с другим, это может согреть любящего осознанием того, что та, кого он любит, все же счастье обрела. Но это все же умалит его собственное счастье. Оно не будет эквивалентно тому, которое было бы, если бы они были вместе, если бы она обрела счастье с ним, а не с другим. Таким образом никакой состоятельности в тарасовских построениях нет.

Разобравшись с представлениями Тарасова о любви, можно переходить к вопросу важности любви для построения нового общества. Начать можно с обращения к тем утверждениям, которые высказывались Семеновым. Я часто обращаюсь к трудам этого автора и многое из того, что я излагаю, было почерпнуто именно у него. Однако его рассуждения о современных отношениях между полами и о любви представляются спорными.

В некоторых своих работах он говорит, что капитализм разрушил традиционные устои семьи, а с ней и традиционную мораль, которая ставила женщину в неравное положение с мужчиной, делало фактически его собственностью. Она требовала от женщин верности, и общество сурово осуждало и даже карало за ее несоблюдение, от мужчины же она требовалась скорее номинально, и часто ни к каким последствиям не приводила. Однако разрушив эту мораль, предложить новую буржуазный строй не смог. Результатом так называемой «сексуальной революции» стала не новая мораль, а простая распущенность. Вместо возникновения норм, которые были бы обязательными для обоих полов, просто было провозглашено право женщины вести себя так, как вели себя мужчины на протяжении всех предыдущих эпох. Это, якобы, ведет к исчезновению любви между мужчиной и женщиной.

Как не печально это констатировать, но в этих рассуждениях просматриваются заурядные сетования пожилого человека на «распутство» молодежи, действительность, а главное разрушительность которой находится под большим вопросом. Несложно заметить, что никаких доказательств своих слов о «распущенности» и примате в нравах современных людей секса над любовью Семенов не приводит. Он, похоже, просто излагает свои личные впечатления, исключительно субъективные. Между тем, нельзя сказать, что современная молодежь в большей мере ценит секс, чем любовь и отдает предпочтение случайным связям перед отношениями.

Заявление же о том, что большая свобода в половой жизни убивает любовь и вовсе невозможно принимать всерьез. Как раз в прошлом любовь душилась как только могла. В докапиталистических классовых обществах браки заключались, как только люди вступали в половую зрелость, нередко их осуществляли старшие, и молодожены до непосредственной свадьбы даже в глаза друг друга не видели. Часто браки заключались по расчету. О какой любви тут может идти речь? Это, конечно не значит, что любви вообще не было, и не было браков по любви. Но такие браки были исключением, отнюдь не правилом. Любовь могла разгореться уже в процессе семейной жизни, но никак не до нее, если кто на ком женится решали другие — родственники, барины с барынями, государство (в сословных обществах). Как раз при капитализме, с падением старой морали, у людей появилась возможность самим выбирать себе партнеров, и в этом выборе именно любви оказалось возможным давать ведущую роль. И этот взгляд подтверждается статистикой. Различные исследования, показывают, что тенденция вступления в брак именно по любви растет. Именно любовь становится все более важным аргументом для создания семьи. Причем касается это как стран «первого мира», так и стран «третьего». Окончательному завершению этого процесса — становлению любви главным поводом для создания отношений и семьи — препятствует уже сам капитализм. Устранив те путы, которые налагали прежние социальные отношения через организацию быта и тогдашние отношения собственности, отношения капитализма сохраняют и даже усугубляют те, которые налагаются рынком. Человек нередко вынужден при выборе партнера руководствоваться не столько своими чувствами, сколько материальным положением и теми перспективами, которые несет положение потенциального партнера. Для окончательного утверждения любви в качестве основы для отношений, капитализм необходимо устранить.

И вот тут некоторые захотят заявить, что я в своих построениях крайне однобоко излагаю ситуацию. Что я полностью игнорирую такой мотив людей для отношений, как плотские желания. О чем и писал Семенов. Тем более, что

хоть он и не приводит каких-либо доказательств, например статистики, своих слов, но они есть. Существуют исследования, показывающие, что различные виды отношений и брака, параллельно с традиционным моногамным, действительно становятся все более распространенными, границы между дружбой, сексом и романтикой размываются в представлениях людей. У большинства других видов животных половой рефлекс обуздывается биологическими механизмами — эструсом (течкой) у самок, гоном у самцов, которые имеют место лишь строго определенные периоды времени в году. Тогда как у человека в процессе эволюции, эти механизмы утратились, он может вступать в половую связь в любое время (кроме, разве что, коротких периодов менструации у женщин). Именно поэтому в свое время возникла потребность возникновения социальных механизмов обуздания полового рефлекса — социальной регулировки половой жизни. Именно в этой связи возникла мораль, которая до возникновения права и была основой социальной регуляции тех или иных аспектов жизни. И после возникновения права — в цивилизованном, т.е. классовом, обществе — она все еще оставалась и продолжает оставаться важным механизмом такой регуляции. Однако в вопросе отношений между полами старая мораль отпала, а новая не возникла. Семенов опасался, что свобода в возможности выбора партнера приведет к оскотиниванию, к превращению человека в невиданное похотливое животное. А это будет иметь разрушительные последствия. И соответственно необходимо возникновение новых механизмов регулирования. И они могут базироваться не на праве, а на морали. Основой же новой половой морали, по его представлениям, необходимо, чтобы была любовь. Именно этот механизм сможет обуздать половой рефлекс, в тоже время подарив человеку возможность обретения полного счастья. Разумеется все это станет возможным только после становления бесклассового общества.

Для начала необходимо ответить на вопрос, почему отсутствие морали и регулирования половой жизни является разрушительным для цивилизации? Действительно ли это так? Семенов, говоря об этом, никаких доказательств, кроме морализаторских рассуждений авторов прошлого, таких как Максим Горький, не приводит.

Высказанные Семеновым опасения и впрямь не беспочвенны. Ведь нынешние тенденции, при всех оговорках, ведут к промискуитету, беспорядочности половых контактов. При этом он имел негативное влияние в первобытную эпоху на зарождающееся общество, о чем подробно еще будет сказано ниже. Нерегулируемая похоть мешает функционированию и развитию общества, и сфер производства. Он является почвой для конфликтов, расстраивающих общество. При регулировании же отношений с помощью норм, которые ставят

любовь в качестве причины для отношений, превыше всех прочих, снижается возможность возникновения отношений на основе иных мотивов, что в немалой мере устраняет основу для конфликтов, препятствуя появлению поводов для недовольства тех, кто оказался обделен, будучи охвачен высоким чувством.

Важно понимать, что одним из параметров любви является ревность. Это положение многие считают спорным. Некоторые авторы утверждают, что ревность это позднее явление поскольку наиболее ранний тип отношений между полами у человека, отмеченный этнографами, это тот самый промискуитет, при котором имеет место полная свобода половых контактов. В такой ситуации, казалось бы, ни о какой ревности речи идти не может.

Существуют исследования, анализирующие ревность с разных позиций, и они показывают их повсеместность в современном человеческом обществе. Но эти данные трактуются теми, кто отрицает неразрывную связь любви и ревности, именно как черта современного общества. Ревность, это, мол, порождение отношений собственности. В дополнение к этому, есть исследование показывающее, что чувство ревности не связано с наличием или отсутствием отношений. Что может говорить о том, что любовь и ревность действительно не являются разными проявлениями одного явления, или что ревность порождается не самой по себе любовью. В связи с этим, заявляется, что в свободном бесклассовом обществе — при подлинном коммунизме — хоть между людьми отношения и будут строиться на основе любви, но никакой ревности не будет. Все это звучит логично. Учитывая это, утверждение о том, что ревность не является обязательной чертой любви можно было бы принять.

Однако невозможно игнорировать и то, что именно любовь является одним из стимулов возникновения ревности. Существует исследование, проведенное на маленьких детях, еще не достигших возраста социализации. И оно показало у них однозначное наличие ревности. Они ревнуют своих матерей к другим детям и реалистичным куклам младенцев, выказывают возмущение, недовольство, плачут и даже предпринимают попытки нанести физический урон «сопернику», если мать проявляет к нему внимание. Это говорит о том, что у ревности как таковой имеются какие-то биологические причины, врожденные источники.

Тут могут возразить, что данный пример некорректен, поскольку он касается любви детей к родителям, а не любви между полами, о которой идет речь. Есть, однако, исследования, представляющие ревность именно в отношениях между полами, как конкретно результат эволюции. Чтобы разобраться в этом, необходимо снова вернуться к вопросу промискуитета в первобытном обществе.

О его наличии в те времена вполне однозначно свидетельствуют этнографические данные. Наблюдались десятки племен, у которых фиксировались именно такие отношения. Как отмечается этнографами, в обществах на стадии раннего первобытного общества отношения между полами регулируются с помощью табу — запрета вступать в отношения в определенные периоды, такие как охота. Наличие этих табу говорит о том, что существовала какая-то опасность исходившая от отношений между полами. Какие именно варианты этих отношений могли создавать опасность для производственной деятельности? Только отношения которые были неупорядоченными, неконтролируемыми. Они создавали постоянную почву для конфликтов, что расстраивало жизнь праобщества, особенно те ее сферы, которые для успеха требовали сплоченности всех ее членов. Соответственно имела место необходимость поставить эти отношения под определенный контроль. Таким инструментом контроля изначально и стали табу, которые в дальнейшем переросли в мораль. Соответственно, можно определенно говорить, что возникновению брака предшествовал период, когда господствовал промискуитет. А также говорить о том, что в его условиях что-то порождало недовольства. Это что-то могло быть как раз ревностью, которая досталась человеку от его предков.

Как также отмечено этнографами, при различных формах группового брака, а также все того же промискуитета, частым является формирование устойчивых пар. То есть люди обретали симпатии, которые являлись поводом для долговременных отношений. Этот процесс, который Юрий Семенов называл парованием, свидетельствует о наличии у человека потребности в создании устойчивых связей с конкретным партнером, наиболее надежной основой чего и может являться любовь, которая, будучи положительным стимулом, не могла бы надежно функционировать без отрицательного стимула, ревности. Таким образом, она является дополнительным механизмом, побуждающим человека предпринимать действия для создания отношений с предметом любви и обеспечения ей счастья. Таким образом, она является важным не только негативным, но и положительным моментом отношений между полами.

Так почему же именно любовь необходима в основе новой морали, регулирующей отношение между полами? Дело в том, что это единственный механизм, который, обуздывая естественные порывы человека, создает возможность обретения им счастья намного превосходящего то, которое он способен обрести в удовлетворении своей страсти. Остальные методы обуздания могут лишь угнетать человека. Здесь же даже трудности вопроса взаимности и создания отношений, будучи трудностями особого характера, могут вдохновлять. Такое обуздание не угнетение, а возможность для счастья.

На пути возникновения этой новой морали необходимо учитывать несколько важных моментов. Сексуальные потребности человека, есть потребности, а потому их нельзя игнорировать. Как отмечалось теми же этнографами, усиление ограничений половой жизни, вызванное увеличением периодов когда требовалось соблюдение табу на половые связи, в первобытном обществе вело к недостаточной удовлетворенности сексуальных потребностей, и, как следствие, породило даже насилие — нападение неудовлетворенных людей на представителей иных сообществ, к изнасилованиям. Таким образом, создание условий, в которых половой рефлекс будет чрезмерно скован, т.е. не будет иметь места достаточное удовлетворение потребностей, также станет почвой для конфликтов и пагубно скажется на жизни общества. Поскольку любовь явление не гарантированное, заметное число отношений, так или иначе, будет складываться на основе лишь полового влечения. Также не стоит преуменьшать значение страсти. Речь идет о чувстве, которое представляет собой усиление похоти, влечением, вызванным иными факторами, таким образом не тождественное простому сексуальному желанию. Это чувство также может быть сильно и вдохновлять в существенной степени. Поэтому просто списывать со счетов сексуальность и страсть, сосредотачивая моральный аспект отношений сугубо на любви не стоит. Это не решит тех задач социального регулирования, которые необходимо, а только способствует фрустрации и, как следствие, реакции и отторжению новой морали. А в итоге конфликтам и помехе для жизни и развития общества.

Таким образом новая мораль с необходимостью должна учитывать не только любовь, как повод для отношений, но и необходимость удовлетворения сексуальных потребностей и место страсти не просто как похоти, но как вдохновляющего начала, способного подвигнуть на свершения, значимые и для предмета страсти и для общества.

Как не сложно догадаться по сказанному, одним из важнейших вопросов здесь является вопрос верности. В каких случаях стоит настаивать на попытках быть вместе с той, кого любишь? В каких необходимо хранить верность? Только ли в самих отношениях? Насколько она влияет на создание самих отношений, на поступки, направленные на пробуждение чувств и стремление быть вместе? Стоит ли ее хранить в условиях, когда предмет любви тебя отверг, упуская другие возможности для отношений? Для многих эти вопросы могут показаться странными. В современных условиях прогрессирующей распущенности все очевидно. Есть отношения — храни верность, нет — не храни. Но в обществе, где любовь возведена в основную причину отношений, а в современном она таковая все же лишь номинально, все не так просто. И именно это необходимо решить. Тем более, что в таких условиях, возникает риск впасть в иную

крайность, абсолютизировать значение верности до такой степени, что отказ предмета любви становится поводом для вечного одиночества в попытке сохранить неразделенную любовь, ведь она превыше всего. Еще раз повторю, я понимаю, что большинство меня не поймет. Но эти вопросы не бессмысленны.
Их проработка важна, поскольку в новом обществе, новые условия создают проблемы, которые они отражают. А поэтому важно разработать их решения.
Объявляя любовь единственным смыслом жизни и даже единственным смыслом и поводом для отношений, человек точно также может встать на путь саморазрушения и даже сугубо эгоистичных порывов, которые не только не принесут счастья ему и предмету его любви, но и дорого обойдутся обществу.
Одна из причин, по которым я решил опубликовать эту заметку, это наличие наглядного примера, что бывает в таком случае. Наличие опыта, показывающего пример ориентира на любовь и обоснование принципиального придерживания этого ориентира, с одной стороны, и пагубности абсолютизации важности любви и абсолютизации верности, с иной.
Вы уже могли узнать историю того, как появился проект. Да, это именно реальная история его появления. Но для того, чтобы выжить из этой истории сведения, которые могли бы поспособствовать решению тех вопросов, которые были здесь рассмотрены, ее стоит изучить подробнее. Мною было принято решение опубликовать сайт, на котором выложены мои дневники. В этих дневниках, возможно есть то, что, как я и сказал, может поспособствовать пониманию проблем и поиску их решений. Возможно, конечно, я переоценил значение моей истории. Но возможно, по крайней мере, она позволит кому-то избежать тех ошибок, которые натворил я. В них я заменил реальные имена, места действия и кое-какие детали, но сути повествования, это не изменило. Во избежание недоразумений, сразу скажу, что историй о том, как я проникался идеями свободного ПО и осваивал его там нет. И вообще компьютерная тематика там мало затронута. Все сосредоточено на истории любви. Для сайта была использована кодовая база сайта проекта, поэтому еще раз выражаю благодарность зрителю и читателю под ником Gnumake, который его сделал для проекта. Кроме дневников, на ресурсе можно найти стихи. Возможно при всей незамысловатости, они покажутся кому-то занятными. Отходя от темы, скажу, что помимо всего этого — несмотря на все сказанное, явно мало кому интересного — есть на нем и более серьезные публикации. А именно статьи на разные темы — о лженауке, философии, истории и др. Они могут помочь кому-то сориентироваться в определенных вопросах.
Возможно, все это окажется кому-то, так или иначе, полезным.